
**НОВЫЕ
ГЕРОИ**

УЛЬЯН ГАРНЫЙ

РУКИ ОТОРВУ!

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г20

Серия основана в 2010 г.

Разработка серийного оформления
художника *А. Матвеева*

В оформлении переплета использована
работа художника *Е. Бондаря*

Гарный, У.

Г20 Руки оторву! / У. Гарный. — Москва : Издательство «Э»,
2017. — 352 с. — (Новые герои).

ISBN 978-5-04-089295-2

Продолжение увлекательного и потрясающе смешного романа
«Ни слова правды!»

Козлоголовый демон, отравивший княжичью стражу волшебным дымком, едва не расстроил планы Василия, занятого поисками своего меча Тричара, который пропал вместе с дружинником Сивухой. Пришлось Василию на пару с приятелем, троллем Тве, завалиться в трактир «Сивый причал», где внезапно обнаружился мертвецки пьяный Сивуха. Однако до обретения желанного Тричара было еще далеко...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Гарный У., 2017

© Оформление.

ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-04-089295-2

*Посвящается Клинкову М. П. —
опоре и надежде*

Глава 1

Ждите, вам — ПП

Я вышел от Романа, сжав кулаки и зубы. Жаль, что Каррохова пустошь не кабак за углом. Я вошел бы туда, взял солонку и перечницу, открыл у них крышки, положил перед собой четыре вилки. Потом объяснил всем Сухим, Мокрым, Знающим и прочим кирикам, кто они и что они, да так, что даже Махатма Ганди почувствовал бы неодолимое желание оторвать мне башку. И когда все эти подземные адепты Глубокой глотки бросились бы на меня, размахивая стульями и мешая друг другу, стал играть в «минус два». Сначала метнул бы перец и соль в головы двум первым, особо злым нападающим, засадил две вилки ближайшим, следующие две — остальным. А дальше — по наитию, все пошло бы в ход — стаканы, тарелки: эх, размахнись рука, раззудись плечо. Кулачок мой тверденький расколот башку басурманскую! Видения насилия слегка меня успокоили — ждите, всему свое время. Месть — холодная закуска, а на горячее — раскаленная кочерга в жопу!

Кстати, об инструментах — у Сивухи надо бы меч забрать. Без Тричара я чувствовал себя не одетым.

В караулке сидел одинокий Трегуз, метал ножи в мишень на стене. Он зажал между пальцев левой руки три ножа, правой выхватил один и запустил

его в цель, и пока первый летел, метнул с обеих рук оставшиеся два. Практически одновременно все три ножа поразили мишень, образовав правильную горизонтальную линию.

— Ловко! — похвалил я, пожал мощную ладонь, уселся в деревянное кресло и спросил: — Где Сивуха?

— Сменился да спать пошел. Чего надо-то? — ответил Трегуз.

— Он у меня меч изъязл прошлой ночью, забрать хочу, — объяснил я.

— В углу посмотри, туда все мечи складываем, — махнул рукой Трегуз и продолжил свои упражнения: на этот раз построил из ножей вертикаль.

Я порывлся в указанном углу, но Тричара там не было. Украшенные драгоценными камнями и простые мечи, для людей и сынов грома, стояли в большой деревянной кадке как зонтики. Я перебрал каждый, перегоняя орудия смерти с одной стороны бочки в другую, испытывая легкую панику. Тричар непростой меч, он способен поразить не только человека, но и любую тварь магическую или реальную, к примеру, неупокоенного мертвяка.

— Трегуз, моего меча здесь нет, где он? — заорал я неожиданно для самого себя.

— Ты чего, Тримайло, разбушевался, в лоб захотел, я-то здесь при чем? Сивуха взял, с него и спрашивай, — насупился Трегуз.

— Мне нужно его найти, где сейчас Сивуха? — сбавил обороты я, не хватало еще со своими разругаться.

— Дома, в Боярской слободе, или в кабаке «Синяя пристань», рядом с Рыбным базаром, еще вроде баба

у него где-то на берегу Ястреба живет, Лех знает точно, они, похоже, к ней по очереди ходят, — гоготнул Трегуз, успокаиваясь, — да ты не сумлевайся, Васька, не бывало такого у нас, чтобы мечи пропадали, может, Сивуха его спрятал где и сам тебе отдать хочет.

— Точно, я его просил за Тричаром приглядеть, — припомнил я.

— Во, а разбазлался, как Вострый на допросе, — прогудел Трегуз, — а вот смотри: гридень взял в каждую руку по три ножа и выстроил на мишени крест.

— Лихо! Ладно, побежал я, увидишь Сивуху или Леха, скажи, что ищу обоих, мне меч позарез нужен, скоро в путь-дорогу, — засобирался я.

— Меня с собой возьми! С тобой хоть на край света, — бросил мне леща Трегуз.

— Спасибо, друг! — обнял я его на прощание и пошел во двор, надо домой, подготовиться, до Горной Жории — многие версты.

Трясаясь в тарантасе, я подумал, что надо подкинуть пару идей насчет рессор и амортизаторов. А может, и насчет паровой машины или даже двигателя внутреннего сгорания. Ехали небыстро — улицы были запружены повозками, каретами, верховыми и пешими. Пользуясь случаем, я глазел по сторонам. Двух- и трехэтажные бревенчатые здания, создающие улицы, были покрыты резьбой и ярко раскрашены. Многочисленные башенки, фигуры диковинных зверей украшали крыши. Стены немногих каменных домов были покрыты изразцами. Улица пахла навозом и конской мочой. Не то чтобы приятней, чем бензином и выхлопными газами, это дело вкуса.

Когда приехал в собственные владения, перекусил на скорую руку. А тут вдруг Тве пожаловал:

— Слышал, ты Сивуху искать, с тобой пойду. Может, еще пару троллей взять?

— Вдвоем справимся, в Славене ведь мы, не в Диком Поле. Кстати, я в поход собрался, поддержишь? — предложил я четырехрукому.

— Тве два раза «друг» не говорит! Когда ехать? — только и спросил тролль.

Вот как, даже не спросил куда. Надо у Осетра сотню троллей просить и ребят Петра Жеребцова, человек триста, Трегуза возьму, Селезня. И собак, обязательно Хвата. Но сейчас — за мечом.

— Ты знаешь, где Сивуха? — спросил я Тве.

— Найдем! Пьет он, как рыба, в «Синей пристани», поди, — усмехнулся тролль, — я с ним на спор пить, Тве под стол упал, а Сивуха еще два ковша выдул, говорят. Сам не видел — сны смотрел.

Снова заложили тарантас. Я отдал приказание о приготовлениях и дорожных припасах, и мы отправились в сторону Рыбного рынка. Никола, из слуг моих, дорогу к «Синей пристани» хорошо знал, видать, не понаслышке.

Рыбный рынок можно было найти с закрытыми глазами — по запаху. В Речной слободе жили рыбаки и моряки, эта часть Славена сильно отличалась от тех, что я видел раньше. Разномастные домики лепились плотно друг к другу, иногда расступаясь перед кирпичными домами разбогатевших заморов¹, но только слегка, при желании супружескую измену

¹ За мора — моряк дальнего плавания, букв. побывавший за морем.

можно совершить через окно, не выходя из своей спальни.

Сам Рыбный рынок тянулся к Нижнему Славену длинными деревянными рядами. Груды самой разной рыбы, раков, речных моллюсков создавали неповторимое амбре, от которого ноздри слипались сами собой. Я подумал, что надо бы научить местных копчению, но следующий ряд был как раз с сушеной, копченой, вяленой рыбой. А за всей этой красотой стояло приземистое здание из почерневших от времени бревен. Вывеска изображала подгулявшего бородатого мужика, который падал в воду с густосинего пирса, прямо в объятия толстомясой русалки. Внутри было полно народу всякого звания, размера, национальности и степени опьянения. Среди разношерстой публики споро сновали половые в черных рубашках и штанах (на темном пятен не видно), разнося пиво, брагу и новоизобретенный (не без моего участия) самогон.

В углу сидел пьяный Сивуха в компании цыган в цветных рубахах и черных жилетах. Цыгане (обычного размера) скалились золотыми зубами, метали карты. Сивуха поднял свои, глянул и безучастно бросил обратно — пас. Мы с Тве протолкались к гридню, поздоровались, присели. Я сразу взял быка за рога:

— Где мой меч?

Сивуха кивнул и стал заваливаться на бок, его поддержали трое цыган, совместными усилиями они кое-как придали Сивухе вертикальное положение:

— В караулке, ик, в кадке, смотрел?.. — выгнул непослушные брови гридень.

— Там нет! Ты его из детинца выносил?

— Я... ик... я... ик, не помню. — Стекланный взгляд остановился на мне, челюсть безвольно отвалилась, повисла нитка слюны. Сивуха в ауте... Я пригляделся к окаменевшему лицу гридня.

В этой отрешенности было что-то знакомое. Если я ошибаюсь, вреда живому человеку это не причинит. Я наклонился к Сивухе и выдохнул прямо в лицо:

— Хри!¹

С легким хлопком гридень исчез без следа. Цыгане вскочили на ноги и загалдели на своем языке.

Тве изумленно вскрикнул:

— Морок, ну надо же!

Сомбрэн, теневик, подделка, как ни назови, Сивухи здесь нет, и пропажа Тричара — не случайность, а организованная злой волей кража! Сосредоточенный на мыслях о невидимом враге, я собрался уходить, но дорогу мне преградили цыгане. Это смешно, когда шестиметровому сыну грома не дают прохода обычные людишки, да еще без всякого оружия.

— Чего надо? — грозно прикрикнул я на ромал.

Седой цыган, главный, похоже, вон какой пояс богатый, спокойно сказал:

— Товарищ ваш немало нам проиграл, а ты его спрятал — нехорошо. Долг надо заплатить.

— Вот сейчас получишь с процентами, — взял я его двумя пальцами за воротник.

Цыгане тут же разделились на группки, но не для того, чтобы сбежать, наоборот, для атаки. Как раз то, что доктор прописал. Но все оказалось не так про-

¹ Заклинание, развеивающее сомбрэнов — созданий, которых маги используют в различных целях.

Увидеть свет мне пришлось довольно быстро, не прошло и часа, как мою временную тюрьму открыла девочка. Ее голос был потоньше, чем у седого цыгана, но все равно гудел, заставляя содрогаться требуху в животе и жидкость внутреннего уха в голове, так что легкое головокружение после каждого слова мне было обеспечено.

— Какой хорошенький пупсик! Надо его одеть, замерзнет, — пробасила «кроха».

Надо признать, что ребенок был прав — меня била дрожь, от стресса и холода просто зуб на зуб не попадал. Вид моих крошечных рук и ног повергал меня в пучину отчаяния, а на низ живота я просто не смотрел — не решался.

Девочка подала мне маленькую шерстяную тряпицу, в которую я тут же завернулся.

— А как тебя зовут? — продолжала дубасить басами моя «хозяйка».

— Васька Тримайло, — ответил я ей в благодарность за одеяло.

— Ха-ха-ха, — залилась малышка, изображая человека, вдохнувшего гелий, и повторила: — Васька Тримайло.

— Как, как он сказал, его имя? — взорвался рядом чей-то бас.

Стало темновато, видимость заслонил старый бородатый цыган, сверкая на меня глазами.

— Изя, иди сюда, шлымазл¹ безмозглый! Ты кого притащил, скотина? — загромыхал дед. В комнату вошел давешний цыган, испуганно моргая.

¹ Шлымазл — недотепа (*идиши*).

«Борода» стал бить его посохом, на который опирался, приговаривая:

— Придурок, баранья башка, назвать бы тебя недоделанным, но мы с Сарой тебя славно скроили, Господь всемогущий лишил меня разума, когда я тебя старшим назначил. Ты ведь витязя уменьшил, а он город спас от нашествия, на секундочку.

— Но, папа, ты говорил, что нам насрать на город, сожгут — другой найдем, — слабо защищался Изя.

— Правильно, убеждай меня в том, что ты идиот и debil, при чужих такие вещи болтать, а лох э компф¹, а то, что этот парень по крышам бежал, чтобы пушки по толпе не стреляли, слышал? А не ты ли со своим выводком балбесов, моих внуков, прямо на стволы те шел, забыл? Лучше бы тебя прихлопнули тогда! А то, что отец твой и благодетель в это время в домах пустых на Дикопольской шерудил, не знал? Да я за неделю до этого на тот свет собирался, а когда нога сего богатыря, Господом осиянная, крышу дома провалила, страх такой силы меня поразил, что ко мне стояк вернулся, десять лет назад потерянный!

— Дак ты говорил, Господь тебя благославил, — попытался Изя прервать поток обвинений, но где там. Дед в ответ так громыхнул, что мне пришлось уши одеялом заткнуть, но мое крошечное тельце задрожало, как лист Иудина дерева².

— Не позорь меня, верблюжий навоз, да простит меня Сара на небесах, клянусь, только ради ее па-

¹ А лох э компф — дырка в голове (*идиш*).

² Иудино дерево — осина. По преданию, на нем повесился Иуда, не вынеся стыда от совершенного предательства, и в память об этом, листья осины трепещут даже без ветра.